

— Не смей умирать, ... ты ведь обошелся мне в три миллиона, такая дорогая вещь. Я еще толком с тобой не наигрался, как же ты...

Гу Цзинцзэ почему-то не смог произнести те самые слова, в душе поднялся сильный протест.

Цзян Фэн, прислушиваясь к доносившимся до уха ноткам тревоги, чуть изогнул губы, и его слабый голос едва прозвучал:

— Ты проиграл, гребанный извращенец...

Гу Цзинцзэ чуть приподнял человека на руках и, прислушиваясь к голосу у самой шеи, с некоторой досадой произнес:

— Ладно-ладно, я проиграл, так что ты даже не думай умирать! Если помрешь, то не сможешь отомстить, и тебе останется лишь беспомощно смотреть, как я над тобой измываюсь.

— Ха, рас... слабься, не помру, живуч... донельзя...

Голос постепенно затихал, словно легкий ветерок, щеко́тавший ухо — от него не исходило ни малейшей угрозы, будто чье-то дыхание едва коснулось мочки.

Гу Цзинцзэ поджал губы и ничего не ответил, словно нарочно заставляя Цзян Фэна томиться в неизвестности: тот замер, задержав дыхание, отчего на душе у него стало крайне паршиво.

Когда Цзян Фэн очнулся, было неизвестно сколько времени на часах, но во всем теле стояла адская боль. Несмотря на то, что ранее ему уже вкололи обезболивающее, эта пробирающая до костей боль всё накатывала волнами, грозя полностью поглотить его.

Он попытался открыть глаза, чтобы понять, где находится: то ли его до смерти замучил этот извращенец, то ли небеса сжалились над ним и подарили спасение.

Секунда за секундой утекали в никуда, и Цзян Фэн, собравшись с силами, наконец медленно приподнял тяжело налившиеся веки.

Зрение постепенно прояснялось, и он стал различать обстановку вокруг.

Первым делом в глаза бросилась невероятно роскошная люстра, чей яркий свет заливал всю комнату.

Затем в ноздри ударил легкий аромат чая Юйлун — свежий и приятный, от которого сразу стало удивительно легко на душе.

С каждой секундой этот запах становился всё насыщеннее, приобретая даже едва уловимый теплый оттенок.

Цзян Фэн невольно заинтересовался и повернул голову, желая во всем разобраться.

Шлеп! — в комнате раздался звонкий звук пощечины.

— Тц~ Чего это ты едва проснулся и сразу кусаешься?! И это после того, как я так переживал и носился с тобой повсюду... — Гу Цзинцзэ зажал щеку, а в его взгляде читались обида и недовольство.

Разглядев человека перед собой, Цзян Фэн ощутил, как в груди поднимается сложная смесь чувств.

Смущенно убрав руку и скорчив неловкую физиономию, он заикаясь пробормотал:

— Прости... честно не ожидал, что это ты, я просто испугался...

Гу Цзинцзэ стал медленно приближаться к Цзян Фэну, пока горячее дыхание не обожгло лицо последнего. Цзян Фэн снова испугался не на шутку, решив, что этот тип опять замыслил воспользоваться им.

Шлеп! — раздался еще один громкий шлепок.

— Бешеная собака, какого черта ты снова за свое?! — разъяренный голос Гу Цзинцзэ разнесся по всему этажу.

— Так, хватит ерзать. Если продолжишь дергаться, твою руку придется колоть заново, — ворчал Гу Цзинцзэ, закончив ставить капельницу и устроившись рядом с Цзян Фэном.

Глядя на покрасневшее лицо Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн внезапно почувствовал укол совести.

Хотя характер у Гу Цзинцзэ был скверный и в нем даже проглядывали зачатки извращенца, сейчас он действительно относился к нему очень хорошо, да и оставаться неблагодарным за добро было нельзя...

Цзян Фэн нервно скомкал в кулаке одеяло и зарылся в него с головой, оставив снаружи лишь пару влажных глаз, испуганно следивших за Гу Цзинцзэ.

— П-прости... я думал, ты опять...

Гу Цзинцзэ оборвал Цзян Фэна и с недовольством бросил:

— Не надо приписывать мне вечный недотрах. Мне просто показалось забавным подразнить тебя, а вовсе не лапать.

С этими словами Гу Цзинцзэ закатил глаза, наклонился, откинул одеяло и в качестве мести ущипнул Цзян Фэна за покрасневшую от стыда щеку.

— Понял? Или повторить еще раз?!

Цзян Фэн поморщился от боли и уже хотел было отшлепать его по руке, но, вспомнив недавнее, постеснялся — лишь молча кивнул, показывая, что всё усвоил.

— Чмок... — заметив, каким послушным выглядит Цзян Фэн — точь-в-точь как та дворовая собака, которую он держал в прошлом: на вид грозная, а на деле донельзя ласковая, — Гу Цзинцзэ не удержался и легко коснулся губами его губ.

Цзян Фэн на несколько секунд окаменел от этого поступка, а пальцы, сжимавшие одеяло, впились в ткань еще сильнее — то ли от стыда, то ли от злости.

— Гу! Цзин! Зэ! Ты...! — из комнаты донесся яростный вопль Цзян Фэна, а стоявший за дверью Гу Цзинцзэ выглядел невероятно довольным, словно наконец-то взял реванш.

— Брат Гу, нам пора собираться на съемки, нельзя больше откладывать, — с тревожным лицом произнесла Мин И.

Лицо Гу Цзинцзэ неуловимо изменилось, в чертах промелькнуло раздражение.

— Разве я не велел им подождать еще пару дней?! — холодно бросил он.

— Н-но... вы ведь и так откладываете уже почти полмесяца из-за того, что сидите здесь... Если так пойдет и дальше... — Мин И говорила очень тихо, низко опустив голову и выбирая слова с предельной осторожностью, смертельно боясь разгневать стоявшего перед ней «живого владыку ада».

— Ладно, съезжу я, раз так сложно, — равнодушно бросил Гу Цзинцзэ, прислонившись к косяку двери, всем видом показывая, будто происходящее его едва ли касается.

— Хорошо, тогда я всё устрою, вылетаем в Хэндянь сегодня после обеда, — видя, что Гу Цзинцзэ согласился, Мин И тут же прибавила обороту делу, стремясь закрепить успех.

Однако не успела она порадоваться, как Гу Цзинцзэ разрушил все ее старания:

— Завтра. Либо ночным рейсом в три часа.

На вид он предоставил Мин И выбор, но на деле разницы не было никакой — оба варианта грозили довести ее до белого каления.

— Хорошо, Брат Гу, — Мин И взяла себя в руки, изобразив на лице максимальное смирение.

— Угу, ступай, — небрежно бросил Гу Цзинцзэ и зашагал вниз по лестнице, кажется, больше вовсе не обращая на нее внимания.

Мин И осталась стоять на месте, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Гу Цзинцзэ, и глубоко вздохнула, пытаясь унять бурю в душе и вернуть душевное равновесие.

— Фух, вдох-выдох... Нельзя злиться, от злости раньше времени стареешь, никто любить не будет... Фух... — однако уже через мгновение Мин И поняла, что успокоиться не получается вовсе: злость лишь разгоралась с новой силой, вызывая жуткое раздражение.

Она машинально взъерошила волосы, пытаясь хоть так заглушить внутреннее кипение.

Сменив пластинку, она взвыла:

— Какого черта успокаиваться, да пошло оно всё!!! Огребает-то не этот барчук, а я, несчастная! И мои кровные денежки, заработанные потом и кровью, тоже уплывают в закат...

Голос ее дрожал, переполненный отчаянием и безысходностью.

И в этот самый момент, когда Мин И уже собиралась продолжить жаловаться, навстречу с пиалой целебного отвара поднялся Гу Цзинцзэ.

Он озадаченно посмотрел на застывшую Мин И, явно не понимая, с чего это она вдруг так распалилась.

Увидев его, Мин И мгновенно покрылась испариной и ощутила себя виноватой до мозга костей — она понятия не имела, как оправдываться. К счастью, Гу Цзинцзэ ее жалоб не расслышал, а просто шагнул мимо, одарив ее безразличным взглядом.

Мин И: «...»

Хорошая новость: этот живой владыка ада не услышал, как она его поливала грязь.

Плохая новость: теперь он считает ее психопаткой с расшатанными нервами... Никакой радости.

Вспомнив что-то, Гу Цзинцзэ внезапно обернулся и бросил остолбеневшей Мин И:

— Что касается неустойки и сопутствующих расходов, всё будет возмещено в двукратном размере.

Услышав это, Мин И замерла, а в ее глазах мгновенно зажглись мириады звезд.

Она уставилась на Гу Цзинцзэ взглядом, полным благоговения и обожания — выражение ее лица резко переменилось, словно перед ней явился спаситель мира собственной персоной.

— Брат Гу, а вы не находите, что вылитый ангел?! — Мин И от переполнявших ее чувств путала слова, а голос срывался от возбуждения.

Гу Цзинцзэ нахмурился, и на его лице проступило еще более явное отвращение.

Похоже, бзик Мин И не вызвал у него ни малейшего интереса, и, просто проигнорировав ее, он развернулся и скрылся в спальне.

Но Мин И это уже не могло остановить — ее прорвало окончательно.

— А-а-а-а!! Мои денежки вернулись!! Брат Гу, вы мой бог, я готова ради вас и в огонь, и в воду... — настроение Мин И взлетело по американским горкам: только что барахтавшаяся на дне отчаяния, она вновь вспылала страстью к жизни.

Случайно проходивший мимо дворецкий от такой дикой картины испугано попятился назад.

Лицо его скривилось в странной гримасе, а на Мин И он уставился так, будто перед ним предстало нечто потустороннее.

Мин И: «Снова никакой радости».

<http://bllate.org/book/22362/2344613>